

Мария МЕЛЬНИКОВА

ТРИЛОБИТНЫЙ ПОЧАТОК СОБОРНОГО ТЕЛА

Гоша Буренин. луна луна и ещё немного. – М.: ЛитГОСТ, 2021. – 96 с. – (Поэты литературных чтений «Они ушли. Они остались»).

Жизнь человека, архитектора, художника и литератора Гоши (Игоря) Буренина уместается между 1959 и 1995 годом – не катастрофически короткий, но для конца XX века и невоенного времени все же печально невеликий срок. Об итогах этой жизни Максим Белозор в книге «Волшебная страна» говорит: «Гоша был гармоническим человеком: писал стихи, рисовал, шутил. После гармонических людей, как правило, ничего не остаётся. И от Гоши ничего не осталось. Только память. <...> Гошина могила на Северном кладбище в Ростове – пример отчаянной бренности бытия: едва различимый в бурьяне холмик у самой дороги, по соседству с мусорной кучей, в ряду безликих бугорков с табличками “Неизвестный мужчина”»¹.

Известное на сегодняшний день стихотворное наследие Буренина составляют сорок девять текстов, вошедших в книгу «луна луна», вышедшую в 2005 году в издательстве «Запасный выход» тиражом чуть более ста экземпляров, и еще немного текстов, найденных в архиве первой жены поэта Ксении Агалли. Знакомясь с этим количественно крохотным итогом удивительно сложной душевной работы, ощущаешь себя палеонтологом, застывшим над фрагментом кости и пытающимся воссоздать облик гиганта, чье тело она когда-то поддерживала. Правда, следует помнить, что все расчеты могут пойти прахом, поскольку законы перспективы и меры длины и объема в мире Буренина не те, что здесь, у нас. Да и кость, возможно, совсем не кость. Это может быть вообще что угодно.

У каждого из авторов вошедших в этот сборник статей – свой оптический прибор для изучения Буренина. Валерий Шубинский вдумчиво сопрягает его с историей и географией современной русскоязычной поэзии (Буренин родился в Лихене, в Германии, учился во Львове, немного жил в Ленинграде и долго – в Ростове-на Дону) – и видит причудливое самородное явление: «Эти стихи написаны так, будто всей модернистской поэтической работы с середины 1960-х почти не было. Но нет и не было и советской поэзии – ни “интеллигентной”, ни “средней”, ни низовой. Эти стихи кажутся стихами какого-то (очень талантливого!) сверстника Станислава Красовицкого или Роальда Мандельштама. Что у него есть? Пребывающее в хаотическом состоянии наследие условного Серебряного Века («первого модернизма»), русский язык, личный талант и слух». Для Валерии Мориной Буренин – благородный рыцарь слова, не опошленного соприкосновением с «малым миром», герой-сновидец, предавшийся грезам в мистическом саду, а потом – переживший трагедию мучительного пробуждения. А в рассказе Ксении Агалли Буренин просто ускользает от наблюдателя, растворяясь в таинстве Высокой Эклектики львовской школы (именно к ней относят его творчество). В общем, все приборы показывают нечто трудноуловимое.

Буренин – мучительный поэт. «Мучительность» здесь следует понимать не как отрицательную характеристику, а как степень и оттенок сложности. Человек, привыкший к, если можно так выразиться, экстравертной поэзии, к поэзии, говорящей о сколь угодно серьезных вещах, но на языке, привычном читателю, да еще и охотно учащей иные языки – такой человек не сможет воспринимать Буренина чисто физически. Для человека, готового, презрев предостережение Мандельштама, постигать странное наречие чужого

¹ Белозор М. Волшебная страна. — СПб: Красный матрос, 2017.

ума, Буренин обернется удивительным ментальным приключением – и неизбежным ужасом.

хлеб зацвёл; черствеи шинели
лица скомканные спящих
я ревел; солдаты ели;
дождь шипел в угольной чаще
где протяжный лось дубами
плотный лоб чесал под пулю
заскучавших караульных;
танк урчал и пела баня
я слепой иглой еловой
ящериц на камне трогал
и проснувшись – злой, блестящий, –
красный зев казал мне ящер

Это стихотворение 1982 года на первый взгляд выглядит нехитрой зарисовкой из детства сына военного, невинным примером иллюстративной лирики, но «протяжный лось дубами / плотный лоб чесал под пулю / заскучавших караульных» более чем наглядно указывает, что случится с глазом и умом наблюдателя и в какого именно ящера обратится под его слепой иглой безобидная ящерица. Такие обороты случайно не выписываются. Беспечные акыны их не употребляют, это – инструмент строителя сложных конструкций и реорганизатора пространства. Но солдатам, бане, танку и хлебу в обновленном пространстве места не будет.

В дальнейшем сложные конструкции Буренина разрастутся так, что уничтожат в стихе все, что можно уничтожить – сюжет, композицию, героев, логику. В этой поэзии нет ни событий, ни покоя. Здесь ничего не происходит в обычном смысле слова – нечему происходить и не с кем. Появление в текстах Буренина человекоподобных персонажей или элементов узнаваемого пейзажа – редкость на грани случайности. Внимательный читатель, конечно, без труда найдет здесь сквозные образы – заметит и сад, и ангелов, и Улисса, и луну, и сон, и воду, но, увы, не найдет никакого внятного либретто мистической пьесы, которую можно было бы разыграть с их участием. Образная система Буренина не отрицает материальность как таковую – он щедро наделяет невещественные явления конкретными свойствами – «время терпко», «отвязанная явь», «гортанные дыры», «отчётливо выпуклый март». Казалось бы, смотри, слушай, ощупывай, постигай. Но постижения не случится, органы чувств тут не помогут – это все равно что хватать за рукав принарядившееся на праздник привидение. Не поможет ничего из богатого метафорического арсенала Буренина. Загадочные тавтологии, неологизмы, заимствования, смысловые смещения, обманки, умолчания, слова, одетые в маски других слов – не подарки книголюбу-фантазеру. Не бисер, бросаемый щедрым абстракционистом – хочешь просто любуйся, хочешь сплети фенечку и надень на руку, хочешь вышей портрет Германа Гессе. Выбора у читателя нет. Семантической судорогой своей фразы Буренин подцепляет его ум, словно крюком, вынуждая следовать за собой – в неизбежную пропасть, полную лишь бесконечного бурления и завихрения речи, порождающей и пожирающей саму себя в поисках новых оттенков, углов, температур, границ.

время терпко: тебя не промолвлю пока
обрастая налётом небесного мела
я ещё только свод немоты потолка
трилобитный початок соборного тела
время – сумрак и глина ребристых аркад:
снится холод под утро и буквы предела –

в голубиное крошево готики белой
замерзает твоя хрупколётная ка

Борис Бергер в издательской аннотации к «луна луна» назвал это «экзистенциальным сюрреализмом» и «новейшей эклектикой», а Олег Юрьев в статье «О поэтах как рыбах» – бесконтрольным наворотом слов и выворотом нервов. Правы оба. Неправ будет только тот, кто примется искать в стихотворениях Буренина ту роковую точку, где эклектика становится наворотом, а сюрреализм – выворотом. Точка эта живет в читателе, причем у каждого читателя она своя. А у автора зачастую нет ничего, кроме слов и сна. И слишком запутанного маршрута, ведущего то ли к сну иного уровня, то ли к пробуждению. Особенное переживание – после стихотворений, вошедших в «луна луна» читать поздние тексты, в которых буренинская мистерия начинает мало-помалу рассыпаться, иномирные воды отступают, обнажая городские строения, узоры на обоях, молчащий телефон, разговорную речь и лирического героя – несчастного, пьющего человека, заново открывающего для себя страшно переиначенный детский букварь и честно признающего, что все это –

нет, не устричный мрак чудака
и не пушкинский бред о психушке, –
просто страх перед ухнувшей двушкой
и молчанием – наверняка:
просто страх перед ржавой копеейкой.

В литературе свет преломляется так, что иногда невозможно понять, светлеет в мире автора или темнеет (не будем путать мир автора с жизнью автора). В мире Буренина до конца стояла на безутешном посту

мой близнец, божевольная золушка, –
в пепле губы, в крови ли рукав, –
ни на убыль, ни, горе, ни в прошлое
не исходишь, – заложница, зёрнышко
в недозволенной мгле языка –

«В недозволенной мгле языка», «южнее речи», «в тени языка», «на дне языка» – такие географические обозначения встречаются у Буренина постоянно, его рассказчик обречен был находиться где-то вне своей вожаемой цели, вне воздвигаемого им вербального святилища, при этом будучи соединен с ним страшно, органически:

сам буква и слух я пугливо привязан к словам –
так глухо срастаются хрящики с памятью страха
а воздух а воздух доверчив когда пополам
земля и земля на меня разбегается ахнуть

Земля разбежалась и ахнула. Что осталось? Сложность и сложность. Собор и собор, который, в отличие от барселонского храма Святого Семейства, уже никто не достроит – если, конечно, его можно было достроить.